

РОЖДАЕМОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ

Зырянова М.А.^а

^а Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

АННОТАЦИЯ:

С января 2020 г. мир начал жизнь в новых реалиях – в условиях распространения нового инфекционного заболевания – COVID-19, была объявлена пандемия. Нестандартная ситуация привела к дисбалансу в функционировании системы здравоохранения, всплеску уровня смертности, росту психологической тревожности. Локдауны, сокращение международного взаимодействия, снижение темпов торговли, закрытие контактоемких отраслей подорвали экономики мира и России в частности. Академической литературе известно, что всплеск смертности ввиду социальных, экономических, природных катаклизмов влечет за собой сокращение рождаемости в ближайшей перспективе. Поэтому целью исследования стало выявление актуальных тенденций рождаемости и динамики репродуктивных установок, а также оценка экономического положения населения до и после пандемии COVID-19 в России и ее северных регионах (на примере Республики Коми). Методика исследования включает в себя три блока, в каждый из которых входит ряд индикаторов для оценивания ситуации: первые два блока основаны на оценке данных официальной государственной статистики – демографический и экономический, третий блок – социологический. Экономический блок позволил по статистическим данным определить, как менялись основные показатели макроэкономического развития и уровня жизни населения до и после пандемии; демографический блок позволил дать оценку динамики процессов рождаемости; социологический блок включает в себя интерпретацию трех социологических исследований, проведенных сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в 2013 г., 2017 г. и 2020 г. с целью определения репродуктивных установок и экономического положения экономически активного населения активных репродуктивных возрастов (20-39 лет) Республики Коми. Исследование позволило выявить ухудшение экономических показателей в условиях пандемии, сокращение общего коэффициента рождаемости, увеличение в период между исследованиями тех индивидов (семей), которые живут за чертой бедности или около нее.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена по теме НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ государственного учета 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рождаемость, возрастная структура, коронавирус COVID-19, смертность, показатели уровня жизни, экономическое развитие, бедность, репродуктивные установки.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зырянова М.А. Рождаемость в период пандемии COVID-19: причины формирования динамики // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 65–80. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/05>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-67-80. EDN: BVSVGY.

■ ВВЕДЕНИЕ

Нормы детности в современных обществах, совершивших демографический переход, не так высоки, как были в традиционных обществах: самая распространенная модель семьи в России – это семья с одним-двумя детьми. Современный тип репродуктивного поведения характеризуется высокой степенью рационализма. Поэтому выстраивание стратегии реализации планов детности стало очень чувствительным у семьи (индивида) ко второму структурному элементу, влияющему на репродуктивное поведение, – условиям жизни, первый элемент, как известно – потребность в детях. В начале 2020 г. эти условия поменялись в значительной степени не в лучшую сторону и при этом – в глобальном масштабе, вместе с тем затронув все стороны индивидуальной жизни.

В январе 2020 г. по всему миру и в России началась пандемия коронавируса, что вызвало рост заболеваемости и ухудшение состояния здоровья значительной части населения, привело к избыточной смертности и спровоцировало всплеск смертности от других заболеваний, в том числе из-за «перетягивания» внимания медицины на COVID-19.

Пандемия 2020-2021 гг. нанесла значительный урон мировой и национальным экономикам. Обвал мирового фондового рынка, кризис почти всех отраслей экономики, особенно контактоемких, снижение международного взаимодействия и уровня потребительского спроса внутри страны, падение производства, сокращение рабочих мест, ухудшение качества жизни населения – вот только некоторые негативные экономические последствия распространения новой коронавирусной инфекции.

Уровень прироста общего коэффициента смертности в 2021 г. по сравнению с 2019 г. был критическим и достиг не наблюдавшихся прежде в мирное время размеров. В России летальность от коронавирусной инфекции на 20 июня 2022 г. составила 2,07%, а в Республике Коми – 2,54% от общего числа заболевших. При этом дела со смертностью от новой коронавирусной инфекции в России обстоят хуже, чем в других странах: для примера в США коэффициент летальности составляет 1,19%, в Швеции – 0,75%, в Беларуси – 0,71%¹.

¹ Статистика распространения коронавируса. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/belarus/>.

Ситуация с общей смертностью имела позитивные сдвиги в России и Республике Коми со второй половины 2000-х гг. На протяжении «16 лет с 2004 г. по 2019 г. в России наблюдался рост продолжительности жизни. Показатель увеличился за 2003-2019 гг. на 8,5 года: с 64,8 до 73,3 лет. Решающий вклад внесло сокращение смертности от болезней системы кровообращения» [1, с. 94, 101]. За XXI столетие лучшие результаты в борьбе с высокой смертностью были достигнуты именно в период перед началом эпидемии коронавируса: в 2017 г. общий коэффициент смертности (ОКС) в России составил 12,4%, в 2018 г. – 12,5%, в 2019 г. – 12,3%, в Республике Коми: в 2017 г. – 11,8%, в 2018 г. – 11,9%, в 2019 г. – 12,0%².

В России общий коэффициент смертности в 2021 г. по сравнению с 2019 г. увеличился на 36,6%. В 2019 г. он составлял 12,3%, в 2020 г. – 14,6%, в 2021 г. – 16,8%. В Республике Коми прирост был на 34,2%, если в 2019 г. общий коэффициент смертности составлял в республике 12,0%, то в 2020 г. – 13,5%, а в 2021 г. – 16,1%. Очень острой проблемой, не имеющей права оставаться без внимания со стороны ученых, государства и общественности, является то, что такого уровня смертности, как в 2021 г., не наблюдалось даже в тяжелые для России 1990-е гг., в период становления нового государства с переходом к рыночной экономике. Уровень смертности населения в России намного выше, чем в других странах: для сравнения в 2020 г. в США он находился на уровне 8,9%, в Канаде – 7,8%, в Швеции – 9,1%³.

Академической литературе хорошо известно влияние волн тепла, эпидемий (болезней), землетрясений, голода и прочих катаклизмов на сокращение рождаемости в ближайшей перспективе [2]. Поэтому целью статьи стало: определение причин сокращения рождаемости в период пандемии COVID-19 и сравнительный анализ экономического положения и репродуктивных установок населения в активных репродуктивных возрастах, что поможет выявить дальнейшие перспективы рождаемости и определить те экономические условия, в которых семьи реализуют свой репродуктивный потенциал.

² Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm.

³ Мировой атлас данных. Демография. URL: <https://knoema.ru/atlas/Канада/Коэффициент-смертности>.

■ ИЗУЧЕННОСТЬ

В зарубежной литературе в связи с актуальностью заявленной темы проводится большое количество исследований на тему реального и прогнозируемого влияния распространения эпидемии коронавируса на рождаемость. Ряд ученых уже сделали предметом своих исследований значительное снижение рождаемости в США в период Великой рецессии 2008 г. и пришли к выводу, что «увеличивающиеся затраты, связанные с воспитанием детей, безработица и потерянный доход обязательно снижают рождаемость. Таков был опыт Великой рецессии 2008 г., когда общая рождаемость снизилась, особенно в странах с наиболее сильным экономическим спадом» [3].

М. Керни и П. Левин приходят к выводу, что «последствия пандемии в США действительно проявились только в марте 2020 г. и “пропущенные роды” в США в IV квартале 2020 г. можно обоснованно отнести к последствиям пандемии» [4]. Социологический опрос, проведенный Л. Линдберг, А. Вандевусс, Дж. Мюллер и М. Кирстейн из Института Гутмахера, показывает, что «34% американских женщин либо отложили свои планы родить ребенка, либо сократили число детей, которых они ожидают иметь в результате пандемии COVID-19» [5]. Другой опрос, проведенный Ф. Луппи и ее коллегами, показывает, что «европейские женщины также планируют отложить рождение или иметь меньше детей» [6]. К выводам о том, что распространение COVID-19 повлияло на сокращение рождаемости в США, приходит также Дж. Уайльд с соавторами [7]. Локдауны и изоляция детей, закрытие школ увеличили нагрузку на родителей, что заставило их пересмотреть планы детности в сторону снижения [8].

Исследованию особенностей трансформации репродуктивного поведения на современном этапе, оценке факторов, влияющих на формирование репродуктивных планов и их реализацию, поиску механизмов улучшения демографической ситуации посвящены труды О.Н. Калачиковой [9], О.А. Козловой и О.О. Секички-Павленко [10], О.В. Кучмаевой, О.А. Золотаревой, С.Б. Гуляева [11], Л.А. Поповой [12], С.А. Сукнёвой, А.С. Барашковой, К.Ю. Постниковой [13]. По результатам масштабного социологического исследования ценностей семейно-детного образа жизни, проведенного в 2019 г. в шести

регионах России и г. Москве, было выявлено, что «в среднем респонденты хотели бы при всех необходимых условиях (желаемое ЧД) иметь 2,7 детей, что выше значения идеального числа детей (2,5) и достаточно сильно превышает ожидаемое, равняющееся двум детям (2,0)» [14].

В феврале – марте 2020 г. в рамках проекта «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» было проведено социологическое обследование в десяти регионах страны. По итогам опроса было выявлено, что репродуктивные ожидания чаще всего находятся на уровне двухдетной семьи (41,9% опрошенных), однодетной семьи (18,1%) и реже – трехдетной семьи (14,5%) [15, с. 49, 51].

Оценке того, как повлияли последствия распространения новой коронавирусной инфекции на уровень рождаемости, репродуктивное поведение населения, посвящены труды А.Н. Архангельского и О.Н. Калачиковой [16], И.А. Кульковой [17], А.В. Носковой [18], С.Ю. Сивоплясовой [19], А.Б. Синельникова [20] и др. ученых.

А.В. Верещагина заключает, что «демографической сферы тоже коснутся последствия пандемии, поскольку “перезагрузка” сознания, связанная с пониманием крайней нестабильности, неустойчивости, хрупкости современного глобального мира, созданных в нем экономических отношений, экономических систем и рыночных реалий института труда, однозначно “перезагрузит” и модели демографического поведения постпандемического человечества» [21, с. 52]. В 2019-2020 гг. по опросам, проведенным в десяти регионах РФ, выявлено, что «такой фактор, как “неуверенность в завтрашнем дне” мешает иметь желаемое число детей по мнению 59,4% мужчин и 63,0% женщин» [22, с. 156]. И коронавирус очень пошатнул эту уверенность.

А.В. Смирнов и М.В. Храмова отмечают, что «около 19% россиянок отложили рождение детей из-за пандемии коронавирусной инфекции» [23]. Е.Н. Васильева и Г.Р. Баймурзина также утверждают, что «пандемия стала причиной ухудшения как социально-экономических показателей уровня жизни семей, так и демографической ситуации во многих странах мира, в том числе России» [24]. Н.Е. Русанова подчеркивает, что «в развитых странах с медиализированным репродуктивным поведением, формируемым с учетом современных ме-

тодов планирования семьи, рождаемость если и вырастет после пандемии, то лишь в определенных группах населения, ориентированных на детоцентризм при любых социально-экономических условиях» [25, с. 157].

По результатам социологических опросов, «распространение коронавирусной инфекции негативно повлияло на благосостояние населения: об ухудшении материального положения своей семьи за 2020 г. сообщила половина опрошенных» [26]. Новые экономические и эпидемиологические условия также могут негативно отразиться на уровне материального благополучия и рождаемости в Республике Коми, что усугубляется постоянным миграционным оттоком молодежи из региона, поэтому настоящее исследование является актуальным.

■ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование базируется на общенаучных методах описательного анализа, синтеза, сравнения. Цель представленного исследования – сравнительный анализ экономического положения, уровня рождаемости и репродуктивных установок населения до и после пандемии COVID-19 для определения дальнейших перспектив рождаемости в России и ее северном регионе, а также выявления тех условий, в которых происходит реализация репродуктивного потенциала населения в настоящий момент. Методика исследования включает в себя три блока, в каждый из которых входит ряд индикаторов для оценивания ситуации: первые два блока – демографический и экономический – основаны на оценке данных официальной государственной статистики, третий блок – социологический.

Первый блок – оценка рождаемости с помощью демографических статистических показателей. Для статистической оценки динамики рождаемости в статье использованы следующие показатели: общий коэффициент рождаемости (ОКР), суммарный коэффициент рождаемости (СКР), естественный прирост (убыль) на 1 000 человек населения, численность женщин репродуктивных возрастов (15-49 лет) в общей структуре населения; численность женщин 15-24 лет в структуре женского населения репродуктивных возрастов.

Для определения изменения экономической ситуации (второй блок) в методику исследования были включены следующие показатели:

валовой внутренний продукт для России и валовой региональный продукт для Республики Коми; инвестиции в основной капитал на душу населения; среднедушевые денежные доходы населения (в мес.); потребительские расходы на душу населения (в мес.); оборот розничной торговли за год на душу населения; коэффициент покупательной способности доходов, представленный как отношение между среднедушевыми денежными доходами и прожиточным минимумом в целом для населения страны (региона); уровень безработицы. Для сравнения статистических показателей, выраженных в денежном эквиваленте, было произведено их инфлирование с помощью индекса изменения потребительских цен на товары и услуги с целью приравнивания их к ценам 2020 г.

Материалы официальной государственной статистики взяты из базы данных ЕМИСС (федеральной службы государственной статистики)⁴, сайта «Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ»⁵, статистического сборника «Регионы России: социально-экономические показатели»⁶, раздела «Уровень жизни»⁷ официальной статистики на сайте Росстата, информации по летальности от коронавируса COVID-19⁸, «Мирового атласа данных»⁹ для сопоставления демографических показателей России с другими странами.

Третий блок представленного исследования – социологический. Для сравнительного анализа репродуктивных установок и экономического положения занятого населения Республики Коми в возрасте 20-39 лет (на которые приходится 92,5% всех рождений в 2020 г.) до и после пандемии COVID-19 были использованы результаты ряда социологических исследований, проведенных сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

⁴ ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/>.

⁵ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm.

⁶ Регионы России: социально-экономические показатели / Ст. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

⁷ Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

⁸ Статистика распространения пандемии коронавируса COVID-19 в России и ее регионах. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/>.

⁹ Мировой атлас данных. Демография. URL: <https://knoema.ru/atlas/Канада/Коэффициент-смертности>.

Первое исследование было проведено сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в 2013 г. по ступенчатой квотированной выборке и охватило все 20 муниципальных образований республики. В опросе приняло участие 795 человек (74% женщин и 26% мужчин) в возрасте 15-49 лет, из них для целей исследования были отобраны опрошенные в возрасте 20-39 лет. Второе социологическое обследование было проведено в 2017 г. по сложной многоступенчатой выборке, квотированной по городскому и сельскому населению. Оно охватило все 20 муниципальных образований республики. В нем приняло участие 576 мужчин и женщин в возрасте 20-39 лет, занятых в экономике. Из них 66,8% респондентов проживают в городе, 9,5% – в поселках городского типа и 23,6% на сельских территориях, подробнее выборка представлена в исследовании Л.А. Поповой и А.А. Сивковой [27, с. 127-128].

Третье обследование – «Здоровье и качество жизни населения» было проведено коллективом исследователей ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в декабре 2020 г. посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований Республики Коми. В исследовании приняли участие 567 опрошенных в возрасте 20-39 лет, занятых в экономике. Из них 65,6% опрошенных проживают в городе, 7,2% – в поселках городского типа, 27,2% – на сельских территориях, подробнее выборка описана в работе Л.А. Поповой, Т.В. Милаевой, Е.Н. Зориной [28, с. 206]. Обработка и анализ социологических данных проведены с помощью программы *MS Statistica*.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представим результаты оценки динамики процессов рождаемости в России и Республике Коми. Общий коэффициент рождаемости сокращается в России с 2016 г. (составлял 12,9%), в Республике Коми – с 2015 г. (13,7%) (Табл. 1). В России общий коэффициент рождаемости сократился к 2021 г. по сравнению с 2019 г. на 5,0%: с 10,1 до 9,6%. В Республике Коми ОКР уменьшился на 7,3%: с 9,6% до 8,9%.

Усугубились проблемы в области естественного воспроизводства. В результате действия федеральной пронаталистской политики (с начала 2000-х гг.) и национального проекта «Здо-

Таблица 1 – Общий коэффициент рождаемости (в ‰) и суммарный коэффициент рождаемости в России и Республике Коми, 2010-2021 гг.

Table 1 – Total fertility rate (in ‰) and crude fertility rate in Russia and the Komi Republic, 2010-2021

Год	Общий коэффициент рождаемости		Суммарный коэффициент рождаемости	
	РФ	Коми	РФ	Коми
2010	12,5	12,9	1,57	1,63
2011	12,6	13,1	1,58	1,70
2012	13,3	14,0	1,69	1,88
2013	13,2	14,2	1,71	1,96
2014	13,3	14,2	1,75	2,01
2015	13,3	13,7	1,78	2,00
2016	12,9	13,1	1,76	1,97
2017	11,5	11,5	1,62	1,78
2018	10,9	10,2	1,58	1,63
2019	10,1	9,6	1,50	1,57
2020	9,8	9,3	1,50	1,57
2021	9,6	8,9	1,50	1,53

ровье», относительного улучшения экономической ситуации в 2012-2013 гг. удалось в России в 2013-2016 гг. выйти на естественный прирост населения. В Республике Коми демографические успехи продлились еще дольше – с 2011 г. по 2016 г. Далее произошел запуск новой волны депопуляции, которая «происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой – экстремальное действие фактора пандемии COVID-19» [29, с. 9].

Суммарный коэффициент рождаемости (показатель, в большей степени освобожденный от особенностей возрастной структуры) в России и Республике Коми в условиях нового этапа депопуляции стал сокращаться. Однако в России в 2019 г., 2020 г. и 2021 г. он свое значение не менял и составлял 1,50 рождений в среднем на одну женщину за репродуктивный период. В Республике Коми в 2019 г. и 2020 г. СКР составил 1,57, а в 2021 г. – 1,53.

Самым резким сокращением суммарного коэффициента рождаемости было в 2017 г. – на 8,0% в России (с 1,76 до 1,62) и на 9,6% в Республике Коми (с 1,97 до 1,78). Такое значительное сокращение показателя рождаемости у условных поколений в этот период может являться своеобразным ответом на экономический кризис 2014-2015 гг., повлекший за собой ухудшение уровня жизни населения, при котором, как всегда, пострадали более уязвимые категории населения – в том числе, семьи с детьми, молодые семьи, планирующие детей. Как будет рас-

крыто чуть ниже, многие показатели уровня жизни и экономического развития в реальных ценах больше не достигали докризисных более-менее благоприятных значений. Общий коэффициент рождаемости в пандемию в России и Республике Коми сократился существенно (на 5,0% и 7,3% соответственно), чем суммарный коэффициент рождаемости, что свидетельствует о том, что структурные факторы все еще вносят больший вклад в сокращение рождаемости.

За период действия коронавирусной инфекции естественная убыль населения в РФ и Республике Коми достигла максимальных для мирного времени значений. В России естественная убыль увеличилась с 2,2 на 1000 человек населения в 2019 г. до 4,8% в 2020 г. и 7,2% в 2021 г. В 2019 г. смертность превышала рождаемость на 317 233 человек, а в 2021 г. – на 1 042 675 человек. В Республике Коми естественная убыль увеличилась за годы пандемии COVID-19 с 2,4% (1 973 человека) в 2019 г. до 7,2% в 2021 г. (5 810 человек).

В пандемию продолжилось негативное воздействие структурных факторов на рождаемость, начавшееся после 2010-х гг. Происходит снижение численности женщин 15-49 лет в структуре женского населения. В 2002 г. в России доля женщин 15-49 лет составляла 51,5% в общей структуре женского населения, в 2010 г. – 49,1%, в 2015 г. – 45,5%, в 2020 г. – 43,9%. В численном выражении было 39 966 700 женщин 15-49 лет в 2002 г., и стало 34 502 030 женщин в 2020 г., иными словами, за указанный период их стало на 5 млн 464 тыс. 670 чел. меньше. В Республике Коми численность женщин детородных возрастов в 2002 г. составляла 56,7% в женском населении, в 2010 г. – 51,4%, в 2015 г. – составляла 46,0%, а в 2020 г. – всего 43,5%.

Теперь посмотрим, как в эти годы изменялась возрастная структура непосредственно внутри женского репродуктивного контингента. Так, в России в 2002 г. доля женщин 15-24 лет составляла 30,0% в структуре женщин 15-49 лет, в 2010 г. – 27,8%, в 2015 г. – 22,1%, в 2020 г. еще меньше – 19,9%. В 2002 г. насчитывалось 11 979 708 девушек 15-24 лет, а в 2020 г. всего 6 880 269 девушек, т.е. разница составила 1,74 раза.

В Республике Коми доля женщин 15-24 лет в структуре женского населения репродуктивных возрастов в 2002 г. составляла 29,5%,

в 2010 г. – 25,4%, в 2015 г. – 20,5%, в 2020 г. – 21,4%. В 2002 г. насчитывалось 88 710 девушек в возрасте 15-24 лет, а в 2020 г. – 40 302 девушек, т.е. произошло сокращение более чем в два раза, или на 48 408 человек. Как видим, рождаемость сейчас реализуется в условиях сокращения численности женщин репродуктивных возрастов в общей структуре женского населения и старения возрастной структуры внутри репродуктивного контингента, что делает тревожными прогнозируемые перспективы рождаемости.

Второй фактор, способный влиять на сокращение рождаемости – ухудшение экономической ситуации. Влияние этого фактора является очень важным, так как «решение о деторождении зависит не только от текущих условий, но и от восприятия настоящих и будущих экономических обстоятельств. Контекстные макроэкономические условия влияют на формирование этого восприятия» [30; 31]. Для сопоставимости экономических показателей, выраженных в рублях, было произведено их инфлирование для приведения к ценам 2020 г.

В 2020 г., по сравнению с 2019 г., в России и Республике Коми продолжились сокращаться важнейшие макроэкономические показатели. Если рассматривать их динамику в более долгосрочном периоде, то становится видно, что их лучшее состояние наблюдалось в 2012-2013 гг., то есть до наступления валютного кризиса в России 2014-2015 гг., связанного с резким ослаблением российского рубля ввиду снижения мировых цен на нефть и введением экономических санкций для России со стороны других государств (Табл. 2).

Уровень безработицы к 2019 г. сократился по сравнению с 2013 г. на 0,9 п.п., зато за пандемию он снова возрос на 1,2 п.п. Сравнение остальных показателей по состоянию на 2013 г., 2019 г. и 2020 г. показало их поэтапное сокращение. Такой важнейший макроэкономический показатель, как ВВП в рассмотренный период сокращался, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в реальных сопоставимых ценах сокращение составило 7,7%.

Инвестиции в основной капитал на душу населения сократились на 4,3% в 2020 г. по сравнению с 2013 г. Среднедушевые денежные доходы населения России в реальных ценах в 2020 г. сократились по сравнению с 2013 г. на 7,9%, потребительские расходы на душу населения (в месяц) – на 14,2%, оборот розничной тор-

Таблица 2 – Показатели развития экономики и уровня жизни населения в Российской Федерации, 2013 г., 2019 г. и 2020 г. в реальном выражении, в ценах 2020 г.**Table 2** – The indicators of the development of the economy and the standard of living of the population in the Russian Federation, 2013, 2019 and 2020, in prices of 2020

Показатель	Год		
	2013	2019	2020
Валовой внутренний продукт (ВВП), трлн руб.	156 363,5	115 438,3	106 607,0
Инвестиции в основной капитал на душу населения, рублей	143 514,5	138 080,9	137 364,0
Среднедушевые денежные доходы населения, в мес. (СДД), рублей	39 328	37 246	36 240
Потребительские расходы в мес. на душу населения, рублей	31 785	29 865	27 276
Оборот розничной торговли за год, на душу населения, рублей	252 731	240 330	231 283
Коэффициент покупательной способности доходов (СДД/ПМ)	3,51	3,35	3,20
Уровень безработицы, в %	5,5	4,6	5,8

Источник: рассчитано автором.

Таблица 3 – Показатели развития экономики и уровня жизни населения в Республике Коми, 2013 г., 2019 г. и 2020 г. в реальном выражении, в ценах 2020 г.**Table 3** – The indicators of the development of the economy and the standard of living of the population in the Komi Republic, 2013, 2019 and 2020, in prices of 2020

Показатель	Год		
	2013	2019	2020
Валовой региональный продукт (ВРП), млн рублей	749 860,6	768 408,4	612 136,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения, рублей	353 310	148 608	171 900
Среднедушевые денежные доходы населения, в мес. (СДД), рублей	44 656	37 831	36 687
Потребительские расходы в мес. на душу населения, рублей	34 245	26 364	24 249
Оборот розничной торговли за год, на душу населения, рублей	260 712	210 353	201 675
Коэффициент покупательной способности доходов (СДД/ПМ)	3,02	2,56	2,52
Уровень безработицы, в %	7,1	6,8	7,8

Источник: рассчитано автором.

говли на душу населения (в год) – на 8,5%, коэффициент покупательной способности доходов, рассчитываемый как соотношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму снизился на 8,8%. Прогнозируя преодоление кризисных явлений в экономике, порожденных первой волной коронавируса, Н.В. Зубаревич отмечает, что «Россия в целом, и её регионы будут выходить из коронавирусного кризиса медленно, если не начнут быстро расти глобальный спрос на продукцию экспортных отраслей и доходы российского населения» [32, с. 58].

В Республике Коми в реальных ценах ВРП сократился в условиях пандемии на 20,3% (Табл. 3). Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в 2019-2020 гг. уменьшился тоже значительно и стал намного ниже, чем до экономического кризиса 2014-2015 гг. Такая негативная тенденция по сокращению инвестиционной активности набрала обороты в республике с 2017 г. Ситуация с уровнем безработицы аналогична общероссийскому уровню: мы видим сокращение доли безработных в

2019 г. (6,8%) по сравнению с 2013 г. (7,1%), однако в условиях пандемии COVID-19 снова в республике зарегистрирован ее рост до 7,8%.

Крайне негативно, чем в целом по стране, в Республике Коми выглядит динамика показателей уровня жизни населения в реальных ценах 2020 г. (Табл. 2). В 2020 г. по сравнению с 2013 г. среднедушевые денежные доходы населения сократились на 17,8%, потребительские расходы на душу населения (в мес.) стали меньше на 29,2%, оборот розничной торговли на душу населения (в годовом исчислении) упал на 22,6%, коэффициент покупательной способности доходов снизился на 16,6%.

Как показало социологическое исследование, экономическое положение населения за период 2017-2020 гг. ухудшилось. Если в 2017 г. около или за чертой бедности (прожиточного минимума) по размеру дохода, который приходится в месяц на одного члена семьи, учитывая все источники доходов, находилось 25,4% занятого населения Республики Коми в активных репродуктивных возрастах, то в 2020 г. их было уже 32,5% от числа опрошенных – то есть это

Таблица 4 – Ответы респондентов на вопрос «Какой приблизительно размер дохода приходится в месяц на одного члена Вашей семьи (средний за последние 6 месяцев, с учетом всех членов семьи, в том числе детей)», в % от числа ответивших, 2017 г.

Table 4 – Respondents' answers to the question "What is the approximate amount of income per month for one member of your family (average over the last 6 months, taking into account all family members, including children)", in % of the number of respondents, 2017

Варианты ответов	% ответивших
Менее 8100 руб.	8,0
8100-12914 руб.	17,4
12914-20000 руб.	37,6
20000-30000 руб.	20,5
30000-45000 руб.	8,3
45000-60000 руб.	4,4
60000-75000 руб.	2,4
Более 75000 руб.	1,5
Всего	100

Прим.: Сумма 12 914 руб. – прожиточный минимум для трудоспособного населения в Республике Коми на I квартал 2017 г. (Источник: <https://www.assessor.ru/notebook/region/minimum-komi/>).

треть населения данной категории (Табл. 4, 5). Значит, проблема бедности стоит остро и усугубилась в республике в условиях пандемии, и она является очень распространенной.

Результаты проведенного осенью 2020 г. крупномасштабного социологического опроса «Левада-Центра» (внесен в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. — Прим. ред.) также зафиксировали, что «негативное влияние кризисной ситуации 2020 г. затронуло каждую третью семью с детьми, а ответы об ухудшении материального положения среди семей без детей встречаются ещё чаще (36,6%). Из принятых в период пандемии мер помощи семье респонденты наиболее важными считают: ежемесячное пособие на первого ребенка до трех лет и ежемесячную выплату на детей от трёх до семи лет в бедных семьях» [33, с. 99-100].

Субъективные оценки материального положения между двух опросов не сильно изменились. Чаще всего респонденты выбирали ответ, что им «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды» (43,7% в 2017 г. и 44,5% в 2020 г.), а также многим респондентам средств «хватает только на покупку продуктов питания и коммунальные платежи» (29,2% и 31,3% соответственно).

За период между опросами значительно увеличилась доля респондентов, настроенных на переезд в другую местность. Если в 2017 г. ре-

Таблица 5 – Ответы респондентов на вопрос «Какой приблизительно размер дохода приходится в месяц на одного члена Вашей семьи (средний за последние 6 месяцев, с учетом всех членов семьи, в том числе детей)», в % от числа ответивших, 2020 г.

Table 5 – Respondents' answers to the question "What is the approximate amount of income per month for one member of your family (average over the last 6 months, taking into account all family members, including children)", in % of the number of respondents, 2020

Варианты ответов	% ответивших
Менее 10000 руб.	9,6
10000-15000 руб.	22,9
15000-20000 руб.	24,0
20000-30000 руб.	22,5
30000-40000 руб.	12,1
40000-50000 руб.	4,5
50000-75000 руб.	2,8
Более 75000 руб.	1,5
Всего	100

Прим.: Сумма 14 868 руб. – прожиточный минимум для трудоспособного населения в Республике Коми на I квартал 2020 г. (Источник: <https://www.assessor.ru/notebook/region/minimum-komi/>).

шительно были настроены уехать 29,0% опрошенных, то в 2020 г. – уже 49,0%, а значит, растет неудовлетворенность своим местом жительства.

Респондентам в опросе 2020 г. также задавался вопрос о том, переболели ли они коронавирусом COVID-19. Ответы были следующие: 0,9% опрошенных 20-39 лет переболели в тяжелой форме с подключением к аппарату ИВЛ, 1,3% ответивших – лежали в больнице с коронавирусом, но без подключения к аппарату ИВЛ, 11,4% опрошенных переболели в легкой форме, 58,4% – не знают, подхватывали ли они такое вирусное заболевание, 28,1% – уверены, что не болели. 54,1% респондентов ответили, что знают о перенесших коронавирус COVID-19 родственниках и знакомых.

В ходе исследования 2020 г. была также поставлена цель узнать отношение респондентов 20-39 лет к действующим мерам демографической политики в области рождаемости. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете демографическую политику государства в области рождаемости?» распределились следующим образом: оценивают положительно 21,6% респондентов, затруднились ответить – 20,1%, оценили отрицательно, так как «ее мероприятий недостаточно для повышения рождаемости» – 18,7%, положительно, но считают недостаточной помощь семьям с тремя и более детьми – 16,4%, отрицательно, так как не приветствуют вовле-

Таблица 6 – Репродуктивные установки населения Республики Коми в возрасте 20-39 лет, 2013 г., 2017 г. и 2020 г.

Table 6 – Reproductive attitudes of population in 20-39 in the Komi Republic, 2013, 2017 and 2020

Вид репродуктивных установок	Год		
	2013	2017	2020
Среднее идеальное число детей	2,47	2,39	2,39
Среднее желаемое число детей	2,66	2,59	2,52
Среднее ожидаемое число детей	2,12	2,03	2,06

чение государства в репродуктивные дела семьи – 16,1%, высказали безразличие – 7,1% опрошенных.

Для определения влияния пандемии на репродуктивное поведение населения важно было оценить динамику репродуктивных установок. Из всех трех исследований наилучшим образом все три вида репродуктивных установок выглядели в 2013 г. (Табл. 3). В целом, нужно отметить, что 2013 г. характеризовался довольно благоприятной экономической и демографической ситуацией, тогда даже еще существовал естественный прирост.

В 2017 г. параллельно с нарастанием кризисных явлений в экономике и «исчерпания эффекта новизны» мер демографической политики мы видим сокращение планов детности среди населения 20-39 лет. В то же время репродуктивные планы населения 20-39 лет практически не изменились за период между двух последних опросов 2017 г. и 2020 г. (Табл. 6). Такая динамика репродуктивных установок по траектории совпадает с динамикой суммарного коэффициента рождаемости – его самый значительный спад наблюдался как раз в 2017 г., а в 2020 г. уже в условиях коронавируса таких явных изменений зарегистрировано не было.

Как отмечает А.О. Макаренцева, «влияние пандемии коронавируса на репродуктивное поведение население еще подробно не изучено. Насколько значимым будет этот эффект, как долго он продлится и какие группы населения затронет, зависит от многих факторов, в т. ч. от глубины экономических последствий и отчасти от действий государственных институтов» [34].

При более детальном анализе результатов обследования 2020 г., проведенного в Республике Коми, видим, что самых низких значений показатель ожидаемого числа детей достигает у двух самых молодых и при этом очень малочисленных возрастных когорт 1996-2000 гг. рождения (1,90) и 2001-2005 гг. рождения (1,68), что делает не обнадеживающими дальнейшие перспективы рождаемости. В 2013 г. у двух самых молодых когорт среднее ожидаемое число детей было значительно выше.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно с точностью определить, как повлияла пандемия коронавируса на рождаемость. Снижение общего коэффициента рождаемости продолжилось, но на него сильно воздействует фактор возрастной структуры. Суммарный коэффициент рождаемости, а также репродуктивные установки населения Республики Коми 20-39 лет практически не изменились. Значит, фактор возрастной структуры в условиях пандемии являлся более доминирующим в снижении рождаемости по сравнению с поведенческими факторами. Последствия экономического кризиса 2014-2015 гг. привели к снижению реальных доходов населения и их покупательной способности. После наступления этого кризиса, а именно в 2017 г. в России и Республике Коми произошло наиболее существенное сокращение суммарного коэффициента рождаемости. В кризисных условиях семьям, планирующим детей, и семьям, у которых уже есть дети, материально стало тяжелее жить, усилилась неуверенность в завтрашнем дне. В пандемию ухудшение экономических показателей продолжилось. Хотя суммарный коэффициент рождаемости в пандемию почти не изменился, его уровень в 2020-2021 гг. крайне мал и снова достигает в России и Республике Коми уровня 2008 г. (тоже кризисного в плане экономического развития). То есть, произошел «откат» до того периода, когда комплекс новых мер демографической политики 2007 г. только начал функционировать, и население еще в полной мере не проявило на них свою реакцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова Л.А. Резервы увеличения продолжительности жизни населения северных регионов России // Устойчивый Север: общество, эко-

номика, экология, политика : Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции (Якутск, 29 сентября 2021 г.) / Отв. ред.

Е. Э. Григорьева. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2021. С. 94–103. EDN: **EGVRVC**.

2. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. (2018). Deciphering the fluctuations of high frequency birth rates, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 509, pp. 1046–1061. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057>.

3. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011). Economic recession and fertility in the developed world, *Population and Development Review*, vol. 37, no. 2, pp. 267–306. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).

4. Kearney M.S., Levine P.L. (2021). The coming COVID baby bust is here. Washington, DC: Brookings Institute. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2021/05/05/the-coming-covid-19-baby-bust-is-here/> (accessed 01.07. 2022).

5. Lindberg L., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020). Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York: Guttmacher Institute. URL: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (accessed 01.07.2022).

6. Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020). The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom, *Demographic Research*, no. 43, art. 47, pp. 1399–1412. DOI: [10.4054/DemRes.2020.43.47](https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47).

7. Wilde J., Chen W., Lohmann S. (2020). COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion paper series. IZA: Institute of Labor Economics. No. 13776. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13776/covid-19-and-the-future-of-us-fertility-what-can-we-learn-from-google> (accessed 01.07.2022).

8. Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Livi Bacci M. (2020). The COVID-19 pandemic and human fertility, *Science*, vol. 369, no. 6502, pp. 370–371. DOI: [10.1126/science.abc9520](https://doi.org/10.1126/science.abc9520).

9. Калачикова О.Н. Семья и брак в представлениях молодежи // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики : Сборник научных трудов (Курск, 13–14 мая 2019 г.). Курск : Курский государственный университет, 2019. С. 21–27. EDN: **ZHIAXM**.

10. Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современ-

ные тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 218–231. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13). EDN: **QQAQIY**.

11. Кучмаева О.В., Золотарева О.А., Гуляев С.Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–103. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-92-103](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103). EDN: **ONSYD**.

12. Попова А.А., Зырянова М.А. Вклад демографической политики в повышение рождаемости в России и ее северных регионах // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2018. № 2 (10). С. 35–42. EDN: **USZIR**.

13. Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: [10.15838/esc.2020.2.68.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13). EDN: **RERPHX**.

14. Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В., Новоселова Е.Н., Синельников А.Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019) : Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А. И. Антонова. М. : ООО «МАКС Пресс», 2020. 486 с. ISBN: 978-5-317-06320-7. DOI: [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). EDN: **MCNNHW**.

15. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2). EDN: **JJEDIR**.

16. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10). EDN: **AXNFPO**.

17. Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6. № 1. С. 5. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_

1/Kulkova.pdf. DOI: [10.34709/IM.161.5](#). EDN: [FYXRMX](#).

18. Носкова А.В. Демографические аспекты пандемии COVID-19 и ее последствия // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 151–153. DOI: [10.31857/S013216250013740-7](#). EDN: [HHYYLJ](#).

19. Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 223–242. DOI: [10.15838/esc.2022.1.79.12](#). EDN: [MNVASW](#).

20. Синельников А.Б. Возможные демографические последствия пандемии коронавируса в долгосрочной и краткосрочной перспективе // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ : Материалы XXVI Социологических чтений (Москва, 8 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 71–74. EDN: [QZCKFJ](#).

21. Верещагина А.В. Социально-экономические факторы демографической безопасности российских регионов в постпандемической реальности // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 4 (10). С. 50–54. EDN: [XDQENQ](#).

22. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году : Монография / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.] ; отв. ред. Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов, Т. К. Ростовская. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. ISBN: 978-5-89697-384-3. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](#). EDN: [GJT'TTK](#).

23. Смирнов А.В., Храмова М.Н. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиянок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 72–81. DOI: [10.19181/demis.2021.1.4.6](#). EDN: [JYNODK](#).

24. Васильева Е.Н., Баймурзина Г.Р. Современная российская семья: факторы формирования моделей репродуктивного и брачного поведения // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. DOI: [10.15838/sa.2021.4.31.5](#). EDN: [DFMNCN](#).

25. Русанова Н.Е. Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2020. № 4. С. 151–159. EDN: [LRBVHC](#).

26. Гришина Е.Е. Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1. С. 15–23. DOI: [10.19181/population.2021.24.1.2](#). EDN: [FDHGEW](#).

27. Попова Л.А., Сивкова А.А. Средний класс в Республике Коми: субъективные оценки и объективные ограничения // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018 : Сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 19–21 сентября 2018 г.): в 3 частях. / ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера. Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2018. С. 124–132. EDN: [YAILPF](#).

28. Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 261–276. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.15](#). EDN: [OQUABX](#).

29. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-7-20](#). EDN: [WCYZNG](#).

30. Clark A.E., Knabe A., Ratzel S. (2010). Boon or bane? Others' unemployment, well-being and job insecurity, *Labour Economics*, vol. 17., no. 1, pp. 52–61. DOI: [10.1016/j.labeco.2009.05.007](#).

31. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. (2012). Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe: Introduction, *Demographic Research*, vol. 27, art. 28, pp. 835–852. DOI: [10.4054/DemRes.2012.27.28](#).

32. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1 (10). С. 48–60. DOI: [10.24411/2587-7666-2021-10104](#). EDN: [OJJEKS](#).

33. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Социальная поддержка семей с детьми в период эпидемии коронавируса и реальная нуждае-

мость семей // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 95–106. DOI: [10.19181/population.2021.24.4.8](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.8). EDN: [OLXMRR](https://www.edn.ru/OLXMRR).

34. Макаренцева А.О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные на-

мерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17 (119). С. 25–30. URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf> (дата обращения: 14.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зырянова Мария Александровна – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26); zyryanova.1809@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 761141, ORCID: 0000-0002-3567-3470, ResearcherID: C-6046-2018.

FERTILITY IN THE COVID-19 PANDEMIC: DYNAMICS REASONS

Maria A. Zyryanova^a

^a Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”

ABSTRACT:

Since January 2020, the world has been facing new realities – in conditions of COVID-19 – a new infectious disease spread, a pandemic was declared. The non-standard situation has brought to an imbalance in health care system, a surge in death rate, and a higher psychological anxiety. Lockdowns, a reduction in international interaction, a slowdown in trade, and the closure of contact-intensive industries have undermined the economies of the world and Russia in particular. Academic literature knows that a surge in mortality due to social, economic, natural disasters entails a birth rate reduction in the short term. So, the research purpose was to identify current trends in fertility and the dynamics of fertility attitudes, as well as to assess the economic condition of the population before and after the COVID-19 pandemic in Russia and its northern regions (exemplified by the Komi Republic). The research methodology involves three units, each of which includes a number of indicators to assess the situation: the first two – demographic and economic – are based on the official state statistics assessment, the third unit is sociological. In the economic unit, using statistical data, changes were identified in the main indicators of macroeconomic development and the standard of living before and after the pandemic; the demographic unit made it possible to assess the fertility processes dynamics; the sociological unit covers interpretation of the three sociological studies conducted by employees of the ISE and EPS FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in 2013, 2017 and 2020 with the aim to identify fertility attitudes and the economic conditions of the economically active population of active reproductive age (20-39 years) of the Komi Republic. The research revealed a deterioration in economic indicators under the pandemic, a decrease in total fertility rate, and an increased number – in the period between studies – of those individuals (families) who live below or near the poverty line.

FUNDING: The research is on “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or economic growth limitation” (government registration No. 122012700169-9, 2022-2024).

KEYWORDS: fertility, age pattern, COVID-19 coronavirus, death rate, HDI, economic development, poverty, fertility attitudes.

FOR CITATION: Zyryanova M.A. (2022). Fertility in the COVID-19 pandemic: dynamics reasons, *Management Issues*, no. 5, pp. 77–80. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/05>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-79-80. EDN: BVSVDY.

REFERENCES

1. Popova L.A. (2021). Reserves for increasing the life expectancy of the population of the northern regions of Russia. In: Grigoryeva E.E. (ed.). Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference “Sustainable North: Society, Economics, Ecology, Politics” (Yakutsk, September 29, 2021). Yakutsk: North-East Federal University named after M.K. Ammosov. Pp. 94–103. EDN: EGVRVC.
2. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. (2018). Deciphering the fluctuations of high frequency birth rates, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 509, pp. 1046–1061. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057>.
3. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011). Economic recession and fertility in the developed world, *Population and Development Review*, vol. 37, no. 2, pp. 267–306. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).
4. Kearney M.S., Levine P.L. (2021). The coming COVID baby bust is here. Washington, DC: Brookings Institute. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2021/05/05/the-coming-covid-19-baby-bust-is-here/> (accessed 01.07. 2022).
5. Lindberg L., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020). Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York: Guttmacher Institute. URL: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (accessed 01.07.2022).
6. Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020). The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom, *Demographic Research*, no. 43, art. 47, pp. 1399–1412. DOI: [10.4054/DemRes.2020.43.47](https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47).
7. Wilde J., Chen W., Lohmann S. (2020). COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion paper series. IZA: Institute of Labor Economics. No. 13776. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13776/covid-19-and-the-future-of-us-fertility-what-can-we-learn-from-google> (accessed 01.07.2022).
8. Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Livi Bacci M. (2020). The COVID-19 pandemic and human fertility, *Science*, vol. 369, no. 6502, pp. 370–371. DOI: [10.1126/science.abc9520](https://doi.org/10.1126/science.abc9520).
9. Kalachikova O.N. (2019). Family and marriage in the ideas of youth. In: Modern family: changing meanings and practices (Kursk, May 13–14, 2019). Kursk: Kursk State University. Pp. 21–27. EDN: ZHIAXM.
10. Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O. (2020). Patterns of birth rate and reproductive behavior of Russian female population: current trends, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 5, pp. 218–231. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13). EDN: QQAQIY.
11. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., Gulyaev S.B. (2021). Modern Russian youth: reproductive intentions and assessment of the possibilities of their implementation, *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 92–103. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-92-103](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103). EDN: ONSZYD.
12. Popova L.A., Zyryanova M.A. (2018). Contribution of demographic policy in the birth rate increasing in Russia and its northern regions, *Bulletin of the North-East Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Economics. Sociology. Culturology*, no. 2 (10), pp. 35–42. EDN: USZIIR.
13. Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. (2020). Birth rate, number of children and family income: trends and relationships, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 2, pp. 201–213. DOI: [10.15838/esc.2020.2.68.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13). EDN: RERPHX.
14. Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V., Novoselova E.N., Sinelnikov A.B. (2020). The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019). Analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study. Edited by A.I. Antonova. Moscow: LLC “Max Press”. 486 p. ISBN: 978-5-317-06320-7. DOI: [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). EDN: MCNHHW.
15. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. (2020). On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes, *Economic and Social Changes:*

Facts, Trends, Forecast, vol. 13, no. 4, pp. 38–57. DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2). EDN: JJEDIR.

16. Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. (2021). Women and men: differences in fertility and reproductive behavior indicators, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no. 5, pp. 165–185. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10). EDN: AXNFPO.

17. Kulkova I.A. (2020). The coronavirus pandemic influence on demographic processes in Russia, *Human Progress*, vol. 6, no. 1. P. 5. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova.pdf. DOI: [10.34709/IM.161.5](https://doi.org/10.34709/IM.161.5). EDN: FYXRMX.

18. Noskova A.V. (2021). Demographic aspects of the pandemic Covid-19 and its consequences, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 4, pp. 151–153. DOI: [10.31857/S013216250013740-7](https://doi.org/10.31857/S013216250013740-7). EDN: HHYYLJ.

19. Sivoplyasova S.Yu. (2022). Reproductive attitudes of modern youth toward multi-child parenting: patterns and contradictions, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 1, pp. 223–242. DOI: [10.15838/esc.2022.1.79.12](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12). EDN: MNVASW.

20. Sinelnikov A.B. (2021). Possible demographic consequences of the coronavirus pandemic in the long and short term. In: Proceedings of the XXVI of sociological readings “Man and his social life in anticipation of the end of the pandemic: to the 30th anniversary of the Faculty of Sociology of the RSSU” (Moscow, April 8, 2021). Moscow. Pp. 71–74. EDN: QZCKFJ.

21. Vereshchagina A.V. (2020). Socio-economic factors of demographic security of Russian regions in the post-pandemic reality, *Caucasian Science Bridge*, vol. 3, no. 4 (10), pp. 50–54. EDN: XDQEHQ.

22. Ananin M.A., Arkhangelsky V.N., Bezverbny V.A., et al. (2021). Challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021. Monograph. Edited by G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya. Moscow: FCTAS RAS. 558 p. ISBN: 978-5-89697-384-3. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021). EDN: GJTTHK.

23. Smirnov A.V., Khranova M.N. (2021). The impact of the covid-19 pandemic on the reproductive attitudes of Russian women, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, no. 4, pp. 72–81. DOI: [10.19181/demis.2021.1.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.6). EDN: JYNODK.

24. Vasil'eva E.N., Baimurzina G.R. (2021). Modern Russian family: factors of forming reproductive

and marital behavior models, *Social Area*, vol. 7, no. 4. DOI: [10.15838/sa.2021.4.31.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.5). EDN: DFMNCN.

25. Rusanova N.E. (2020). Post-pandemic birth rate: “baby boom” or “demographic hole”? *Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*, no. 4, pp. 151–159. EDN: LRBVHC.

26. Grishina E.E. (2021). Epidemiological crisis of 2020: financial situation of the population and social support, *Population*, vol. 24, no. 1, pp. 15–23. DOI: [10.19181/population.2021.24.1.2](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2). EDN: FDHGEW.

27. Popova L.A., Sivkova A.A. (2018). Middle Class in the Komi Republic: Subjective Assessments and Objective Limitations. In: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) “Actual problems, directions and mechanisms for the development of the productive forces of the North – 2018” (Syktyvkar, September 19–21, 2018). In 3 parts. FRC “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North. Syktyvkar: Komi Republican printing house LLC. Pp. 124–132. EDN: YAILPF.

28. Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. (2021). Self-preservation behavior: generational aspect, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no. 5, pp. 261–276. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.15](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.15). EDN: OQUABX.

29. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangelsky V.N. (2021). Increasing depopulation in Russia in the context of the Covid-19 pandemic: regional features, *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 7–20. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-7-20](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20). EDN: WCYZNG.

30. Clark A.E., Knabe A., Ratzel S. (2010). Boon or bane? Others' unemployment, well-being and job insecurity, *Labour Economics*, vol. 17., no. 1, pp. 52–61. DOI: [10.1016/j.labeco.2009.05.007](https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.05.007).

31. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. (2012). Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe: Introduction, *Demographic Research*, vol. 27, art. 28, pp. 835–852. DOI: [10.4054/DemRes.2012.27.28](https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.28).

32. Zubarevich N.V. (2021). Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets, *Theoretical Economics*, no. 1 (10), pp. 48–60. DOI: [10.24411/2587-7666-2021-10104](https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10104). EDN: OJJEKS.

33. Korchagina I.I., Prokofieva L.M. (2021). Social support for families with children in the period of coronavirus epidemic and families' need, *Population*, vol.24, no.4, pp.95–106. DOI: [10.19181/population.2021.24.4.8](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.8). EDN: OLXMRR.

34. Makarentseva A.O. (2020). Impact of the epidemiological situation on the reproductive inten-

tions of the population, *Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development*, no. 17 (119), pp. 25–30. URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf> (accessed 14.11.2022).

AUTHORS' INFORMATION:

Maria A. Zyryanova – Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia); zyryanova.1809@mail.ru. RSCI AuthorID: 761141, ORCID: 0000-0002-3567-3470, ResearcherID: C-6046-2018.